

2

Накануне Гоша и Январь удили рыбу. Это было целое приключение — вроде того, о котором писал известный сочинитель Натаниэль Грин. Гоша, похожий на одного из героев картины Ореста Кипренского «Неаполитанские мальчишки-рыбаки», притаскивал Январю уже третью книжку в дешевой обложке из серии «Приключения на суше и на воде». Особенно Январю нравились приключения на воде. Ну и под водой, конечно.

Вообще-то, мальчишки ловили пескарей с помощью банки, дырявой крышки и хлебных крошек. Пескари совсем не акулы и даже при буйной фантазии не могли превратиться в стаю голодных акул. Но Январь нашел выход. Пираньи! Вот кого они преследовали на речном мелководье. Гоша с этим охотно согласился. Он уже почти прочел четвертую книжку Натаниэля Грина. Она называлась «Мертвая голова». В этой книжке водились пираньи. Но откуда Январь мог это знать?

Ах да, Гоша сам же вчера проговорился... Пираньи!

3

С пираньями ничего не вышло. Внезапно явились четверо зареченских. В том числе Петрухин.

Петрухину исполнилось четырнадцать. Его еще называли Николаем Второгодником (не путать с Николаем Вторым и Николаем Угодником). Но это давно была неправда. Никаким второгодником Николай Петрухин не был. Правда устарела. Умерла. Сдохла. Краснощекий Петрухин в реальном училище больше не учился. Его выгнали за то, что он испачкал вонючей краской кабинет механики и сорвал то ли важное занятие, то ли экзамен, к которому, по обыкновению, был не готов. Вонь стояла такая, что пришлось прервать занятия и в соседних классах.

Петрухина, может быть, еще и пощадили бы — если бы не директор. Он примчался на неуместный запах и повел себя неосторожно. Вляпался, испачкал рукав... И Петрухину указали на выход. Он был счастлив.

4

Январь первым заметил зареченских. Лучше бы, разумеется, было прикинуться водорослью или корягой. Однако не хватило артистизма.

Какие уж тут пираньи? Здесь грозила настоящая опасность. Зареченская. Январь едва успел выхватить из воды банку, в которой крутил хвостом одинокий пескарь.

5

*У*бегать было неприятно. Но двое против четверых... Еще неприятнее было бы не убегать, а оставаться на месте и безропотно дожидаться Петрухина с компание́й.

Далеко сзади ржали и свистели. И это означало, что опасность миновала. Если бы зареченские хотели во что бы то ни стало догнать, они бы не свистели и не смеялись. Когда они однажды подстерегли Гошу, то сделали все бесшумно: стукнули в нос, вывернули карманы и вытряхнули ранец. «Очищение» происходило по-деловому. Но в этот раз зареченские были настроены игриво.

6

Мишу невозможно было не разыграть. Где бы он ни появлялся, своими наивностью и добродушием Миша прямо-таки приглашал к розыгрышам. Хотелось убедиться: «Неужели поверит?» Обычно он действительно верил. Верил всему и всем. Взрослым и детям. Мише говорили: «Сегодня по этой стороне улицы не ходят». И он не ходил, удивляясь тому, что ходят другие. Мише говорили: «С завтрашнего дня отменяется буква “ять”». И он начинал готовиться к завтрашнему дню. Старался. Пыхтел. Вычеркивал. Кто же знал, что ее через несколько лет действительно отменят?

Гоша подходил к Мише и, похлопав по плечу, произносил что-нибудь вроде: «А ты разве не знаешь, что мост через Корчу разобрали на части?» И Миша бежал смотреть. Январь вдогонку кричал, что разобрали мост не через Корчу, а через Вихру. Миша (чаще всего его звали Мишаша) верил и этому.

Но дурачком Мишаша все-таки, вопреки подозрениям, не был. Доверчивость не дурость, хотя и стоит

близко. Рано или поздно до него доходило, что его снова провели, и Мишаша добродушно смеялся.

Запоздалый смех особенно звóнок.

В конце концов это привело к тому, что разыгрывать Мишашу стало неинтересно. Никакого азарта. И оказалось, что обезоруживающая наивность Мишаша может быть сильной стороной. Его не били (стыдно). С ним можно было общаться без опасений. Он не подведет. Добродушие соседствовало с безоговорочной честностью.

Бывало, в Стрелецкой башне ночевали бродяги. Но только в крайнем случае (сквозняки из бойниц донимали). Зато это было отличное место для игр. Башня могла быть чем угодно. Собственно башней, мачтой и палубой корабля, тюремным казематом, египетской пирамидой, Великой Китайской стеной...

Находилась Стрелецкая башня на отшибе. Ближайшие избы стояли шагах в ста. Жилье и средневековую башню разделяли пустырь и заросшие бурьяном развалины стены. Внизу, по другую сторону башни, катилась шумная речка. Корча. Зимой она нехотя замерзала. И тогда на лед можно было скатываться с правого высокого берега на салазках. Зимой вообще здесь было интересней.

Однажды Гоша, Январь, Мишаша, Гриша Мельник, Капа и сестра Капы Варя слепили из снега пятерых защитников башни и устроили грандиозный штурм. Даже стенобитную машину соорудили из тележного колеса, полена и двух досок от забора. Снежные защитники долго сопротивлялись.

Но и летом у Стрелецкой башни было неплохо.

К тому же поблизости имелся тайник. Нижний ярус башни был засыпан землей — время постаралось. Но в одном месте земля провалилась, и проявилась таинственная пустота, которую мальчишки поспешили заполнить и замаскировать. Заполняли только важными вещами: почти целым перочинным немецким ножом фирмы Вога, жестяной коробкой из-под карамели с тиснением — фабрики братьев Серебряковых, круглым туристическим жетоном с надписью «1010 m», означающим покорение высоты... В общем, множеством полезных или ценных вещей.

Именно возле тайника Январь увидел то, что изменило не только его жизнь, но и жизнь десятков других людей.

Это была торчащая из-под земли человеческая рука. Ладонь. Особенно зловещая в полумраке. Январю показалось, что она шевелится. Этого было достаточно, чтобы вылупить глаза, мгновенно ощутить леденящий страх и сорваться с места. Остановился Январь только у водокачки, расположенной метрах в трехстах.

До водокачки рука не дотянется.